

Бертран Рассел Бесплезное знание filosofff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Бертран Рассел

Бесплезное знание

Греки, как выяснилось, уделяли часть своего внимания не только вопросам литературы или искусства, но и философии, геометрии или астрономии. Поэтому эти науки были уважаемы, тогда как другие науки рождали больше сомнений. Медицина, безусловно, была возведена именами Гиппократ и Галена, но в промежуточный период она была исключительно связана с именами арабов или евреев и тесно сплетена с магией. Отсюда и сомнительная репутация таких людей, как Парацельс. Положение дел в химии было еще худшим и наукой она стала только в XVIII в. ...

Рассел Бертран

Бесплезное знание

Бертран Рассел.

"БЕСПОЛЕЗНОЕ" ЗНАНИЕ.

Публикация 1941 г.

Фрэнсис Бэкон, человек, достигший знаменитости, предавая своих друзей, утверждал, без сомнения, основываясь на богатом опыте, что "знание - это сила". Но это неверно по отношению ко всем знаниям. Сэр Томас Браун желал узнать, какую песню пели сирены, но если ли бы он выяснил какую, это не позволило бы ему сменить место мирового судьи на место Верховного шерифа своей страны. Тот род знаний, который имел в виду Бэкон, был так называемым научным. Подчеркивая значение науки, он запоздало продолжал традиции арабов и раннего средневековья, согласно которым знание состояло в основном из астрологии, алхимии и фармакологии, являвшихся тогда отраслями науки. Ученым считался тот, кто, овладев этими предметами, приобретал магические силы. В начале XI в. Папа Сильвестр II, только по той причине, что он читал книги, повсеместно считался волшебником, вступившим в союз с дьяволом. Просперо, бывший в шекспировское время просто плодом фантазии, стал представлять в течение столетий общепринятый образец ученого, по меньшей мере в том, что касалось его волшебства. Бэкон полагал, и как мы сейчас знаем правильно, что наука может быть куда более могучей волшебной палочкой, чем та, о которой мечтали чародеи минувших времен.

Ренессанс, достигший своего пика в Англии во времена Бэкона, вызвал бунт против утилитарной концепции знания. Греки знали Гомера так же, как мы песни мюзик-холла, потому что они им просто наслаждались, без ощущения того, что при этом чему-то учатся. Но люди XVI в. не смогли бы понять его, не обладая достаточной лингвистической эрудицией. Они восхищались греками и желали приобщиться к их удовольствиям, поэтому они копировали их как в чтении классиков, так и в других, менее известных, вещах. Обучение во время ренессанса было разновидностью *joie de vivre* (Радость жизни (франц.)), наравне с вином или любовью. И это относилось не только к литературе, но и к точным наукам. Общеизвестна история о том, как Гоббс впервые открыл для себя Евклида, случайно наткнувшись в книге на теорему Пифагора, он воскликнул: "Ей-богу, это невозможно" и стал читать доказательство с конца, пока, дойдя до аксиомы, не убедился в его правильности. Без сомнения, для него это был сладостный момент, не омраченный мыслью о полезности геометрии в практических областях.

Верно и то, что Ренессанс находил практическое применение древним языкам в теологии. Одним из первых результатов нового осознания классической латыни была дискредитация поддельных декретов и дарственных Константина. Неточности, которые

были обнаружены в Вульгате и Септуагинте, сделали греческий и иврит необходимой частью споров протестантских богословов. Републиканские принципы Греции и Рима были призваны оправдать сопротивление пуритан Стюартам и иезуитов тем монархам, которые отвергали верность Папе. Но все это было скорее следствием, чем причиной возрождения классического обучения, приобретшего наибольший размах в Италии примерно за столетие до Лютера. Основной движущей силой Возрождения было интеллектуальное наслаждение, реставрация того богатства и свободы в искусстве и мышлении, которые были потеряны во времена, когда невежество и суеверия были шорами на глазах Разума.

Греки, как выяснилось, уделяли часть своего внимания не только вопросам литературы или искусства, но и философии, геометрии или астрономии. Поэтому эти науки были уважаемы, тогда как другие науки рождали больше сомнений. Медицина, безусловно, была возведена именами Гиппократ и Галена, но в промежуточный период она была исключительно связана с именами арабов или евреев и тесно сплетена с магией. Отсюда и сомнительная репутация таких людей, как Парацельс. Положение дел в химии было еще худшим и наукой она стала только в XVIII в.

Таким образом, это привело к тому, что знание греческого и латыни, вместе с поверхностным знанием геометрии и, возможно, астрономии, стало интеллектуальным набором джентльмена. Греки пренебрегали практическим применением геометрии, и только во время упадка они нашли применение астрономии под видом астрологии. В XVI и XVII вв. математика, в основном, изучалась с эллинской беспристрастностью, и появилась тенденция игнорировать науки, которые деградировали из-за своей связи с магией. Постепенный переход к более широкой и более увязанной с практикой концепции знания, развивавшийся и на протяжении XVIII в., был внезапно ускорен в конце XVIII в. французской революцией и развитием техники. Первая нанесла удар по дворянской культуре, тогда как последняя предложила новый и удивительный простор для развития недворянского искусства. На протяжении последних ста пятидесяти лет люди все более и более энергично обсуждали ценность "бесплезного" знания и все более и более приходили к убеждению, что имеет смысл обладать только тем знанием, которое применимо в какой-либо области экономической жизни общества.

В странах с традиционной образовательной системой, таких как Франция и Англия, утилитарный взгляд на знание преобладал лишь частично. Здесь еще остались, например, профессора китайского языка в университетах, читающие китайскую классику, но незнакомые с работами Сун Ят-сена, который создал современный Китай. Еще существуют люди, которые знают древнюю историю настолько, насколько она связана с авторами, чей стиль был безупречным, т. е. до Александра в Греции и Нерона в Риме, но отказывающиеся знать куда более важную последующую историю из-за литературного несовершенства исторических текстов. Тем не менее, даже во Франции и Англии старые традиции умирают, а во многих современных странах, таких как Россия и Соединенные Штаты, они совершенно угасли. В Америке, например, образовательные комиссии отмечают, что в деловой переписке большинство людей используют всего пятнадцать сотен слов, и поэтому предлагают избегать все остальные в школьных программах. В Великобритании, в основном в Англии, пошли еще дальше и сократили необходимый словарь до восьми сотен слов. Концепция речи, как чего-то представляющего эстетическую ценность, вымирает, и это приводит к мысли, что единственное назначение слов передавать практическую информацию. В России достижение практических целей даже более искреннее, чем в Америке: все, что преподается в образовательных учреждениях, призвано служить каким-либо очевидным целям в образовании или управлении. Единственная поправка сделана теологии: священные книги должны изучаться на оригинальном немецком языке, и несколько профессоров должны изучать философию, чтобы защищать диалектический материализм от критики буржуазных метафизиков. Но как только ортодоксальность окончательно возобладает, даже эта маленькая лазейка будет закрыта.

На знание повсюду постепенно начинают смотреть не как на просто самооценку или средство создания широкого и гуманного мировоззрения в целом, а как просто на составную часть технического мастерства. Это часть все увеличивающейся интеграции общества, которая была вызвана научно-техническим прогрессом и военной необходимостью. Экономика и политика стали более взаимозависимы, чем прежде, и поэтому существует больше рычагов социального давления, заставляющих человека жить так, как считают разумным его соседи. Образовательным учреждениям, кроме тех, которые доступны только очень богатым или (как в Англии) которые стали неуязвимы в силу многовекового существования, не позволено тратить деньги так, как им хочется, но они обязаны убедить Государство в том, что они

преследуют полезную цель посредством передачи мастерства и внедрения лояльности. Это неотъемлемая часть того же движения, которое привело к обязательной военной службе, бойскаутам организации политических партий и распространению политических страстей прессой. Мы более чем когда-либо осведомлены о жизни наших сограждан, более обеспокоены тем, если мы добродетельны, чтобы делать им добро, и еще более тем, чтобы заставить их делать добро нам. Мы осуждаем кого-либо, лениво наслаждающегося жизнью, каким бы утонченным не было его наслаждение. Мы считаем, что все должны делать что-то, чтобы помочь великому делу (каким бы оно ни было), тем более, если много "плохих" людей работают против него, и должны быть остановлены. У нас нет свободы ума, чтобы приобретать любые знания, кроме тех, которые помогут нам в битве за что-нибудь, что мы считаем важным.

Можно многое сказать об узкоутилитарном взгляде на образование. Недостаточно времени изучить все, прежде чем начать зарабатывать на жизнь, и, несомненно, "полезное" знание очень полезно. На этом построен современный мир. Без этого у нас бы не было ни автомобилей, ни железных дорог, ни аэропланов; следует добавить, что у нас не было бы современной рекламы или современной пропаганды. Современное знание способствовало огромному улучшению здоровья людей и в то же время открытию того, как истреблять большие города с помощью отравляющего газа. Все отличающееся наш мир от прежних времен имеет свой источник в "полезном" знании. Ни одно общество до сих пор не имело их в достаточном количестве, и, несомненно, образование должно продолжать обеспечивать их развитие.

Нужно также добавить, что большая часть традиционного культурного образования была неразумной. Мальчики проводили многие годы, осваивая латинскую и греческую грамматику, чтобы в результате, не имея ни способности, ни желания (кроме как в небольшом числе случаев), читать греческих или латинских авторов. Современные языки и история предпочтительнее латинского и греческого языков со всех точек зрения. Они не просто более полезны, но и дают возможность приобщиться к культуре в гораздо меньшие сроки. Для итальянца XV в. практически все, что нужно было прочесть, кроме того, что было написано на его собственном языке, было написано на греческом языке или латыни. Эти языки были необходимым ключом к культуре. Но с тех пор на различных современных языках создана огромная литература, и развитие цивилизации было таким стремительным, что знание античности стало не столь полезно в понимании наших проблем, как знание современных наций и их сравнительно недавней истории. Традиционная учительская точка зрения, которая была превосходной во времена Возрождения, становилась постепенно чрезмерно ограниченной из-за того, что она игнорировала произошедшие в мире с XV в. изменения. И не только история и современные языки, но также и наука, должным образом преподаваемые, вносят вклад в культуру. Именно по этой причине можно заявить, что образование должно иметь другие цели, чем простая прямая выгода, без сохранения традиционных учебных курсов. Практичность и культура, когда они понимаются широко, представляются несовместимыми в гораздо меньшей степени, чем кажутся фанатичным защитникам и того и другого.

Тем не менее, помимо случаев, в которых культура напрямую связана с выгодой, овладение знаниями имеет различного рода непрямую выгоду, даже если не имеет практического применения. Я думаю, некоторые из худших черт современного мира могли бы быть устранены за счет большей поддержки таких знаний и менее жесткой ориентацией на простую профессиональную компетентность.

Когда сознательная деятельность целиком сконцентрирована на какой-то одной определенной цели, конечным результатом для большинства людей будет дисбаланс, сопровождаемый какой-либо формой нервного расстройства. Люди, контролировавшие немецкую политику во время войны 1914-1918 гг., делали ошибки (например, что касается похода подводных лодок, который привел Америку на сторону союзников), которые любой человек со свежим подходом к предмету мог распознать как неразумные, но о которых они не могли судить здраво по причине умственного перенапряжения и отсутствия отдыха. Такого же рода вещи можно увидеть везде, где группы людей пытаются достичь целей, поставленных на основании спонтанных импульсов, но требующих для своего достижения длительного напряжения сил. Японские империалисты, русские коммунисты и немецкие нацисты - все действуют на основании своего рода возбужденного фанатизма, который исходит из существования исключительно в вымышленном мире определенных задач, которые необходимо выполнить. Когда задачи настолько важны и настолько реализуемы, как полагают фанатики, результат может быть великолепным; но в большинстве случаев ограниченность их мировоззрения приводила в движение некие могущественные противодействующие силы или представляла эти силы как порождение дьявола,

заслуживающее наказания. Взрослым, так же как и детям, необходима игра, т. е. им необходимы периоды деятельности, не имеющие никакой цели, кроме сиюминутного наслаждения. Но если игра выполняет эти свои функции, то становится возможным найти удовольствие и интерес в вопросах, не связанных с работой.

Развлечения современного городского населения имеют склонность быть все более и более пассивными и коллективными и состоять из неактивного наблюдения за искусными действиями других. Несомненно, такие развлечения гораздо лучше, чем их отсутствие, но они не настолько хороши, как те, которые были бы у населения, обладающего благодаря образованию, широким кругом интеллектуальных интересов, не связанных с работой. Лучшая экономическая организация, позволяющая человечеству получать выгоду от производительности машин, должна привести к очень большому увеличению времени для досуга, а продолжительный досуг не может быть утомительным только для тех, у кто есть значительные интеллектуальные занятия и интересы. Чтобы праздное население было счастливо, оно должно быть образованно и оно должно быть обучено так, чтобы понимать как умственное удовольствие, так и непосредственную пользу технических знаний.

Культурный элемент в приобретении знаний, при условии успешного усвоения, формирует характер человеческих мыслей и желаний, побуждая людей, по меньшей мере частично, интересоваться различными имперсональными ценностями, а не только вопросами, имеющими сиюминутную ценность для них лично. Слишком легко было сделано допущение того, что если человек развивает определенные способности посредством знаний, он будет использовать их социально полезным способом. Узкоутилитарная концепция образования игнорирует необходимость воспитания в человеке, наряду с развитием его способностей, каких-либо устремлений. В невоспитанной человеческой натуре есть очень значительный элемент жестокости, который проявляет себя во многих мелких и крупных вещах. Мальчики в школе стремятся вести себя плохо в отношении к новичку или к тому, чья одежда не совсем обычна. Многие женщины (и немало мужчин) причиняют так много, как только могут, боли злыми сплетнями. Испанцы наслаждаются боями быков, британцы - охотой и стрельбой. Те же жестокие импульсы принимают более серьезные формы в охоте на евреев в Германии и на кулаков в России. Империализм дает простор этим импульсам, и в войне они утверждаются в виде высшей формы общественного долга.

Здесь следует добавить, что и высокообразованные люди иногда жестоки, но я думаю, и в этом плане не может быть сомнений, что они встречаются не так часто, как люди, чье сознание не развито. Задиры в школе - это редко те мальчики, чьи способности в обучении выше средних. Когда происходят линчевание, зачинщики почти неизменно очень невежественные люди. Это происходит не потому, что умственное развитие порождает позитивные гуманные чувства, хотя это и возможно, а скорее потому, что оно порождает другие интересы, нежели дрязги соседей, и другие источники самоуважения, чем утверждение власти. Две вещи составляют наиболее универсальные желания это власть и восхищение. Невежественные люди могут, как правило, достигать и того и другого только грубыми методами, в том числе овладением физическим мастерством. Культура и образование дают человеку возможность обрести менее пагубные формы власти и более достойные пути достижения восхищения собой. Галилей сделал больше, чем любой монарх, чтобы изменить мир, и его сила неизмеримо превосходила силу его преследователей. Поэтому ему не нужно было ставить перед собой цель становиться, в свою очередь, преследователем.

Возможно, самое важное преимущество "бесплезного" знания в том, что оно способствует созерцательному складу ума. В мире существует слишком много готовности не только к действиям без надлежащего предварительного обдумывания, но также к случайным действиям, на которые мудрый человек не пошел бы. Люди демонстрируют такое свое пристрастие различными любопытными способами. Мефистофель говорил юному студенту: "Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет", - и каждый цитирует это так, как будто это было мнение Гете, хотя он просто предполагал, что мог бы сказать дьявол студенту-выпускнику. Гамлет представляется как ужасное предостережение против мысли без действия, но никто не представляет Отелло как предостережение против действия без мысли. Профессора, такие как Бергсон, из-за своего определенного снобизма по отношению к практическому человеку умаляют значение философии и говорят, что жизнь в своих лучших проявлениях должна быть похожа на кавалерийскую атаку. Со своей стороны, я думаю, что наилучшее действие - то, что осуществляется на основе глубокого понимания Вселенной и человеческой судьбы, а не только из необузданно страстного импульса романтического, но несоразмерного самоутверждения. Привычка находить

удовольствие в мысли более, чем в действии – это гарантия против неблагоразумия и чрезмерном любви к власти, средство сохранять спокойствие в несчастьи и спокойствие духа среди волнений. Жизнь, ограниченная только личным, вероятно, рано или поздно становится непереносимо тягостной, только окно в больший мир делает многие трагические ситуации жизни переносимыми.

Созерцательный склад ума имеет ряд преимуществ, от самых тривиальных до самых основательных. Начиная с незначительных неприятностей, таких как резкие замечания, пропущенные поезда, придирчивые товарищи. Такие затруднения, кажется, едва ли стоит встречать ответными проявлениями героизма, и раздражение, которое они вызывают, разрушают хорошее настроение и удовольствие от жизни у многих людей. В таких случаях большое утешение можно найти в малоизвестных знаниях, имеющих некую реальную или причудливую связь с конкретной проблемной ситуацией, или даже, если они не имеют никакой связи, то помогают устранить неприятности из мыслей. Будучи атакованным людьми, бледными от ярости, приятно вспомнить главу в декартовском "Трактате о страстях", озаглавленную так: "Почему тех, кто становится бледным от гнева, следует опасаться больше, чем тех, кто становится красным". Когда один испытывает беспокойство по поводу трудности сохранения международного сотрудничества, беспокойство другого уменьшается, если он, случается, вспоминает о Святом короле Луи IX, который прежде чем отправиться в свой крестовый поход, вступил в союз с Горным старцем, который появляется в "Тысяче и одной ночи" как темный источник зла в мире. Когда угнетает растущая жадность капиталистов, кто-то может вдруг утешиться воспоминанием о том, что Брут, этот пример республиканской добродетели, ссудил деньги городу под 40 процентов и нанял частную армию осадить его, когда город не смог заплатить проценты. (Горный старец – Шейх-аль-Джебелъ, глава государства ассасинов. (Сирия, XII в.).

Занимательное обучение не только делает неприятные вещи менее неприятными, но также делает приятные вещи более приятными. Я получаю гораздо больше удовольствия от персиков и абрикосов с тех пор, как узнал, что они впервые начали выращиваться в Китае в начале Ханской династии, что китайские пленные, удерживаемые великим королем Каниским, распространили их в Индии, откуда они пришли в Персию, достигли Римской империи в I в. н. э., что слово "apricot" (абрикос) происходит из того же латинского корня, что и слово "precocious", (скороспелый), потому что абрикос поспеваеет рано, и что А в начало было добавлено по ошибке, вследствие неправильной этимологии. Все это делает вкус фрукта более сладким.

Примерно сто лет назад несколько благонамеренных филантропов основали общество "за распространение полезных знаний", в результате люди перестали ценить восхитительный вкус к бесполезным знаниям. Открыв Бартоновскую "Анатомию меланхолии" случайно в день, когда мне грозило пребывание в таком настроении, я выяснил, что существует "вещество меланхолии", но хотя некоторые думают, что оно может быть вызвано всеми четырьмя основными "соками" организма (Кровь, флегма, желчь и черная желчь), "Гашен полагал, что оно может быть порождено только тремя, исключая флегму или слизь. Это суждение твердо поддерживали Валериус и Менардус, а также Фускиус, Монталтус, Монтанус. Как, говорили они, может белое стать черным?" Несмотря на этот неопровержимый аргумент, Геркулес Саксонский и Кардан, Гианермус и Лаурентиус, как говорит нам Бартон, придерживались противоположного мнения". Успокоенная этими историческими экскурсами, моя меланхолия, благодаря то ли трем "сокам", то ли четверем, рассеялась. Как лекарство для слишком усердных, я не могу представить средство более эффективное, чем курс такой древней полемики.

Но в то время, как тривиальные удовольствия от культуры служат облегчению мелких забот практической жизни, более важные достоинства размышления проявляются в отношении к величайшим несчастьям жизни: смерти, боли, жестокости или слепой устремленности наций к ненужной катастрофе. Те, кого больше не успокаивает догматическая религия, нуждаются в некоей замене, если жизнь становится неинтересной, суровой, наполненной ежедневным самоутверждением. Теперешний мир полон озлобленных эгоцентричных групп, каждая из которых неспособна увидеть человеческую жизнь в целом и предпочтет разрушить цивилизацию, чем уступить хоть на дюйм. Никакое количество технических инструкций не обеспечит противоядия от этой ограниченности. Противоядие, в том что касается индивидуальной психологии, должно быть найдено в истории, биологии, астрономии и во всех тех предметах, которые, не разрушая чувства собственного достоинства, дают возможность личности видеть себя в истинном свете. Что необходимо, так это не та или иная конкретная

Бертран Рассел Бесплезное знание filosoff.org
информация, а такие знания, которые тайно внушают понятие целей человеческой жизни в целом: искусство и история, знакомство с жизнью героических личностей, и понимание удивительно случайного и эфемерного положения человека во Вселенной – все это касается чувств, в высшей степени отличительно человеческих, силы видеть и знать, проявлять великодушие, думать и понимать. Мудрость берет начало из глубокого понимания, соединенного с бескорыстным чувством.

Жизнь, во все времена полная боли, в наше время тяжела более, чем в предыдущие два века. Попытка избежать боли приводит простого человека к обыденности, самообману, к измышлению многочисленных массовых мифов. Но это временное облегчение в конечном счете только увеличивает источники страданий. Как с личными, так и с общественными неудачами, можно справиться только при помощи процесса, в котором воля и разум взаимодействуют: воля для того, чтобы отказаться от искушений дьявола или не принимать нереальных решений, тогда как дело разума понять неудачу, найти выход, если проблема решается, а если нет, сделать ее переносимой, рассмотрев ее в различных взаимосвязях, приняв ее как неизбежную и вспомнив о том, что существует, помимо этой неудачи, в других странах, других веках и глубинах космического пространства.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!